

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

¹Национальный транспортный университет²Гуманитарный институт Национального авиационного университета

В статье раскрывается специфика функционирования социальных и экономических институтов. Основное внимание уделяется способам и механизмам реализации институциональных норм, регулирующих соответствующие типы и стандарты поведения, которые закреплены нормами права и иными социальными нормами.

Введение

Сегодня мы не можем объяснить общественный процесс его закономерности, причины экономических и социальных явлений, факторы влияющие на поведение людей, игнорируя институциональный подход. Становится весьма сложным и даже невозможным реконструировать общественно-экономическую систему, состоящую из хозяйственного взаимодействия индивидов, различных моделей поведения экономических субъектов, без исследования идеальных оснований и мотивов деятельности и поступков людей.

Анализ публикаций

У истоков институционализма стояли Т. Веблен, Р. Штаммлер, Д. Коммонс У. Митчелл. Проблемами институционального подхода к изучению социальных явлений занимаются и современные отечественные и зарубежные ученые О.Иншаков, Д. Львов, О. Мамедов, Ю. Осипов, Ю. Пахомов, В. Радаев, А. Чухно, Б.Артур, Дж. М. Ходжсон и др., работы которых составляют фундамент для дальнейшего исследования данной темы.

Основная часть

Институционализм – направление, которое зародилось в начале XX в., сначала в США, а затем получило широкое распространение в экономических теориях стран Западной Европы. Впервые термин «институциональная экономическая теория» был употреблен В. Гамильтоном в 1918 г. Развитие теории институционализма включает следующие этапы: первый – 1920 – 30-е гг.; характеризуется формированием основных положений классического институционализма (Т. Веблен, Д. Коммонс, У. Митчелл и др.); второй – середина 20 в.; особое внимание обращается на изучение демографических проблем, социально-экономических противоречий капитализма (Дж. М. Кларк, А. Берли, Г. Минз); третий – 1960 – 70-е гг.; неоинституционализм рассматривает экономические процессы в зависимости от технократии, объясняется значение этих процессов в социальной жизни (Н. Ноув, Дж. Гэлбрейт, Р. Коуз и др.) [1, с. 180].

Понятие «институционализм» включает в себя два аспекта: «институции»–обычаи, нормы поведения в обществе и «институты»–закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций и учреждений. Институционалисты не имеют единой точки зрения, относительно задач экономической науки и исследования экономики. Так, маржиналисты исходят из того, что экономику следует исследовать «в чистом виде», отбрасывая при этом социальную сторону жизни общества. Другие представители

институционализма, напротив, рассматривают экономику лишь как часть социальной системы. Они считают, что экономические процессы и явления находятся в тесной взаимосвязи с социальными, правовыми, политическими, нравственными процессами и что расширение рамок экономической теории происходит благодаря изучению таких дисциплин, как социология, философия, политология, социальная психология и др. Примечательно, что представителями институционализма все шире использовался принцип историзма и принцип противоречивости общественных явлений.

В России, институциональный подход к исследованию социальных явлений, представлен «московской» и «новосибирской» школами. Представители институционального подхода «московского крыла» работали в основном в рамках экономической социологии, оставляя за пределами рассмотрения неэкономические сферы общественной жизни. Институциональный подход в исследованиях Новосибирской школы в качестве объекта своего исследования включает как экономическую сферу, так и социальную, изучает и анализирует повседневную жизнедеятельность населения, процессы демографического и социального воспроизводства. Стремясь не ограничиваться рамками анализа экономических проблем, представители Новосибирской школы существенно расширили изучение социальных процессов, включив в него социологический, политический, социально-правовой, этический аспекты, привлекая к исследованию и методы научного познания смежных наук. Институциональный подход получил новые импульсы для своего развития и в современной социологии.

Институционализм образует разнообразные учения и концепции, общей чертой которых применительно к экономике является изучение функционирования экономической системы, при этом, важное внимание уделяется исследованию роли социальных, политических и экономических институтов, которые выступают движущей силой общества. Социальный институт представляет социальное установление как комплекс самых общих социальных (политических, правовых, моральных, религиозных и т.п.) норм, правил и принципов, культурных образцов, привычек, типов мышления и моделей поведения, определяющих сущность и устойчивость социальных явлений, обуславливающих и регулирующих социальные отношения, деятельность человека в различных областях ее приложения, а также социальное образование, организация, выступающая субъектом социальных отношений и действий [2]

Э. Дюркгейм использует термин «институт» для

обозначения социальных фактов – коллективных представлений, внешних для индивида и обладающих принудительной силой по отношению к нему. Он считает, что можно назвать институтами все верования, все способы поведения, установленные группой. Т. Веблен рассматривает институты как коллективные, социально-психологические образования. По Веблену, эволюция социальных институтов регулирующих общественную жизнь происходит под воздействием внешней среды путем естественного отбора. Он считал, что основными факторами, вызывающими потребность в институциональных изменениях, является прогресс техники и технологии, увеличение численности населения.

К. Паланьи, Д. Белл, О. Тоффлер, следуя традициям «старого» институционализма, исходили из первичности институтов: государства, управленческих и других структур, которые и определяют действия людей.

Лауреат Нобелевской премии Д. Норт акцентирует внимание на то, что институты представляют набор правил поведения индивидуумов. Это разработанные людьми формальные (законы конституции) и неформальные (договоры, добровольно принятые кодексы поведения) ограничения, а также факторы принуждения и т.д.

К социальным институтам относятся государство и политические партии; профсоюзы, молодежные и женские организации; научные сообщества, пресса, телевидение; религиозные, семейные и т.п.

Социальный институт – одна из форм организации общественной жизни, созданная для защиты интересов и регулирования деятельности общества, социальных групп, поддержки стабильности и динамики общественных отношений. Социальный институт выполняет следующие функции: 1) создает возможность членам этого института удовлетворять свои интересы и потребности; 2) обеспечивает устойчивость общественной жизни; 3) регулирует действия членов общества в рамках общественных отношений; 4) осуществляет социальный контроль и др. [3, с.660].

Социальные институты являются средствами проведения в жизнь общественных норм: экономических, социальных, политических, нравственных и т.д. Система и формы социального института детерминированы историческими типами общественных отношений.

Институты общества должны быть охарактеризованы, как с точки зрения их формальной структуры, так и в контексте содержания с позицией анализа их деятельности. Социальные институты нельзя рассматривать как только совокупность учреждений, снабженных системой санкций осуществляющих конкретные общественные функции. Они всегда связаны с целостной системой определенных стандартов поведения людей в типичных ситуациях. Принципы и стандарты поведения, как правило, закреплены нормами права и иными социальными нормами. В процессе функционирования общественных институтов формируется определенные виды социальной активности, причем правовые и социальные нормы, регулирующие эту деятельность объединяются в определенную систему,

обеспечивающую в дальнейшем этот вид социальной деятельности.

Институты стремятся предоставить значительные возможности для свободных действий людей. Индивиды нередко оказываются перед непростоим выбором между альтернативными линиями поведения и они вынуждены как рационально, так и иррационально определять линию поведения. Люди нередко в экстремальных условиях игнорируют институциональные требования и действуют иррационально или копируют стереотипы поведения людей в различных обстоятельствах.

Следовательно, отрицая фатальную предопределенность социальных действий и процессов, так называемую необходимость исторического развития, необходимо признавать особую институциональную связь, действующую в общественной жизни. В обществе существуют не только закономерность и упорядоченность, но и случайность, и хаос. Институциональная теория открывает возможности для поиска альтернатив общественного поведения, создает условия для выбора путей реализации норм, правил и законов. К недостаткам современного институционализма следует отнести то, что институциональные теории ориентированы на изучение стабильного общества в статическом состоянии вне всякого рода изменений и развития. Поэтому, чтобы понять природу и структуру общественных процессов, необходимо отказаться от привычных схем и стереотипов. Нашей задачей является исследование перехода абстрактно-логических представлений о свойствах и качествах социально-экономических явлений в содержательные конструкции, дающие возможность получить знания о взаимосвязи идеального и материального, субъективного и объективного. В рамках процесса институционализации. Дальнейшее углубление анализа требует выяснение идеальной формы и границы данного предмета, его возможную динамику и таким образом создаются возможности осмыслить его как данное и целое. Можно сказать, что совместную деятельность людей, упорядоченную институтами, пронизывают идеальные механизмы мотиваций. Даже в том случае, если институт выступает как внешняя норма в процессе жизнедеятельности, он действует как рефлексивная норма.

Впервые это было замечено еще представителями исторической школы экономики и права (Росшер, Гильдебрандт, Книс), сформировавшейся в Германии в середине XIX в. Они настаивали на самом внимательном изучении совокупности норм и правил, регулирующих жизнь каждого народа. Эти правила, по их мнению, проникнуты единым духом, который живет в людях и выступает в виде совместно разделяемых ценностей. В духе неокантианской методологии они отказались от признания идеи существования универсальных социальных и экономических законов как универсальных законов, действующих на протяжении всей истории, таких например, как “закон народонаселения Т. Мальтуса” или закон “повышающейся ренты Д. Рикардо”. Даже закон спроса и предложения не признавался ими абсолютным законом для любой исторической формы ведения хозяйства, где имеет место обмен

товаров на деньги [4, с.86-87].

Действительно, любая экономическая упорядоченность, в отличие от технологической упорядоченности на производстве, регулируется посредством созданных культурой рефлексивных норм, правил, принципов. Основателем институционализма, как уже отмечалось, является Т. Веблен. В своих исследованиях он опирался на философские учения прагматизма Ч. Пирса, У.Джеймса, Д. Дьюи [5, с.176-177]. В работах Т. Веблена и Р. Штаммлера подчеркивалось, что рефлексивная норма выступает как внешний фактор, потому что выполняющий её человек подчиняется внешнему основанию действия как в силу принуждения, так и добровольно. Кроме этого существуют, внутренние или этические нормы поведения, основанием которых является разделяемая людьми система ценностей. В этом случае люди действуют, руководствуясь собственными убеждениями, осуществляя свой выбор. Рефлексивная норма в отличие от этической не создает отношения между людьми, она создает лишь взаимные ожидания или право требования. Рефлексивная норма предполагает мотивы действия, присутствующие только индивидам в ситуации совместной деятельности. В отличие от взаимодействия насекомых или животных как биологических организмов, она реализуется как специальное действие по «внешней символической фиксации данного социального отношения, имеющее чисто ритуальное значение» [4, с. 78]. Но ритуальные действия также демонстрируют признание рефлексивной нормы. Оценить их смысл или пользу можно в рамках рефлексивных правил. Правила являются образцами поведения, предусматривающие как следует себя вести в той или иной ситуации. Правила существуют в форме инструкций, предписаний, официальных текстов. Но даже формальные правила существуют прежде всего в сознании и памяти различных реферативных групп населения. При этом, каждый член такой реферативной группы может выступить в роли гаранта и контролера, если он заметил их нарушение.

Подчеркивая основополагающую роль формальных правил, правовых норм, следует обратить внимание на существование неформальных правил и условных норм, живущих в сознании людей, таких как традиции, обычаи, обряды, привычки, правила этикета. Эти мотивы играют очень важную роль в жизни общества: уклонение от их выполнения может обернуться для человека еще более худшими последствиями, чем даже правонарушения. Достаточно вспомнить к каким неприятностям приводили людей нарушения требований дружбы или дуэли, корпоративных правил или других неформальных институтов.

Институты основанные на определенном привычном мышлении, обусловлены привычками индивидов, но не сводятся к ним. «Институты, – пишет профессор университета Хартфордшира (США) Дж.М.Ходжсон, – устойчивые системы существующих и укоренившихся общественных правил и обычаев, структурирующих социальные взаимодействия. Язык, деньги, закон системы мер и весов, столовый этикет, фирмы и другие организации – все

это институты» [6, с. 26]. Но институты, как совокупность правил, являются чаще всего внешним механизмом принуждения индивидов к выполнению этих правил. Дуглас Норт продолжает на эту тему: «Институты это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [7, с. 23]. Институты способны успешно создавать стабильные ожидания в отношении поведения людей. Институты упорядочивают намерения, интересы, потребности и последующие действия людей, придают устойчивость и определенную форму человеческой деятельности. Как уже говорилось, институты в значительной мере зависят от привычек, что позволяет им укорениться в сознании и склонностях индивидов. Сами привычки формируются на прецедентной основе посредством повторения действий, то есть они обусловлены предшествующей деятельностью. Привычки людей конечно же вмешиваются в институциональное взаимодействие, поскольку всегда существует склонность к определенному типу поведения в определенных ситуациях. «Привычки – скрытый репертуар потенциального поведения, – подчеркивает Дж. М. Ходжсон, – они могут быть вызваны соответствующим стимулом или ситуацией» [6, с. 27]. Например, на правила этикета, которые дают возможность людям правильно общаться, влияя этнические факторы, национальные традиции и т.д. Нарушение норм и правил во многом определяются культурной, национальной, региональной спецификой, даже в отношении таких правил, которые не зависят от региональных особенностей, допустим правила дорожного движения, делающие его более безопасным.

Сказанное требует сосредоточиться на таких сторонах общественной деятельности людей, какими является свобода, субъективность, случайность, иррациональность, соотносить их с институциональным подходом в методологии исследований. Дело в том, что свободная и целенаправленная человеческая деятельность существенно ограничивает возможности её описания при помощи традиционных познавательных средств экономической и других общественных наук. Естественно в таком случае речь может идти о статусе, возможностях и границах общественных наук. Известно, что пик развития социальных наук пришелся на конец XIX – начала XX веков, когда в работах блестящих ученых того времени (Э. Дюркгейм, В.Зомбарт, К. Маркс, П. Сорokin) были созданы концептуальные схемы человеческой деятельности, экономического поведения рациональных индивидов. С тех пор многие социальные науки превратились в формализованные учебные дисциплины. Обществознание отказалось от таких фундаментальных всеохватывающих теорий как: структурный функционализм Т. Парсона и Р. Мертон, конфликтологическая модель общества Р.Даррендорфа, функциональная конфликтология Л.Козера, как не справляющимися со своими задачами и претензиями. Кроме всего прочего, им инкриминировались элементы проявления логического фундаментализма в сфере концептуального знания. Вместе с тем, трудно согласиться с замечани-

ем Ф.И. Гиренка, что обществознание “умерло тихо на обочине общественных наук”[8, с.133]. Действительно социальная реальность для исследователя не может быть ни чем иным, как одновременно и реальностью и представлением о реальности, а общественные и экономические институты выступают в виде образов и представлений ученых. Но это совсем не значит, что мы имеем дело только с объектами виртуальной реальности, что фактическая реальность ускользает от нас. “Всякая реальность, – пишет Ф.И. Гиренок, – это иллюзия, объективированная в законах. Если наблюдатель, воспринимая реальность, не перестает быть наблюдателем и во всякий момент может отличить наблюдение от наблюдаемого, – то мы имеем дело с реальностью. Если не отличает, то мы имеем дело тоже с реальностью. Но какой?”[8, с.127]. С Ф. И. Гиренком можно согласиться в части здорового скептицизма в отношении познавательных возможностей общественных наук, трезвой реакции на излишний оптимизм некоторых ученых. Естественно очень многое зависит от сконструированной нами онтологии, заданных концептуальных и мировоззренческих оснований научного познания. Европейская философская и научная мысль более ста лет занимались разработкой проблем социальной гносеологии и эпистемологии и продемонстрировала в какой степени прогресс в научных исследованиях зависит от степени сложности социальных объектов. Социология тоже имела скромные, но определённые результаты. “Если социологи и могут что-то делать, так это мыслить, но мыслить и знать – разные вещи. В социологии знания не сопряжены с мыслью, а мысль со знанием”[9, с.252]. Проблема поставлена правильно для выполнения задачи преодоления устаревших представлений о природе и структуре социальных и экономических субъектов, общественных институтов. Только критический подход к построению новых методологических и познавательных средств в обществознании позволит избежать научной ситуации, напоминающей “грезы начинающего социолога, его соблазняющей самообман”[9, с.249]. Постмодернистская методология оказалась бесплодной не только в сфере культуры и исследований сущности отношений отчуждения, но и в области социально-экономических наук. Это убедительно демонстрируется в аналитической работе В.Г. Белолипецкого, посвященной исследованию идей К. Маркса в связи с концепцией глобалистики[10, с.134], а также содержится в уже указанной здоровой критике Ф.И. Гиренка общественных наук и их познавательных возможностей.

Ревизия представлений об экономических и социальных субъектах как рационально мыслящих и действующих агентов потребовала и внесения изменений в традиционные теории, описывающие поведение людей. Например, среди экономистов растет убеждение в том, что экономическая теория испытывает серьезный кризис в объяснении событий происходящих в реальном мире, а также в осуществлении анализа пригодного для экономической политики. Некоторые ученые причиной этого считают господство дедуктивизма в экономической теории и в концепции науки вообще. Предлагается

иная модель экономических знаний и методологии исследования. Например, Т. Лоусон подчеркивает: “Когда же представления о постоянных связях между событиями и иные позитивные результаты будут отвергнуты, а их место займет трансцендентально-реалистическая парадигма экономической теории... с легкостью можно будет трансформировать в направлении более адекватного анализа, пригодного для экономической политики...”[11, с.98]. В современной западной экономической мысли была не только сделана попытка более широкого и объемного рассмотрения хозяйственной деятельности в виде неонституционализма, но и сама институциональная теория стала располагаться на стыке нескольких общественных наук: культурологии, философии, социальной психологии, истории, права, социологии. Эти перемены можно считать существенным шагом вперед в деле описания хозяйственной и экономической деятельности по сравнению с неокейнсианством, неомонетаризмом и другими неоклассическими теориями. Объектом институциональных теорий перестал быть рациональный экономический человек, сориентированный на получение максимальной прибыли и минимизации расходов. На его место приходит человек не всегда рациональный, и даже иррациональный, имеющий массу особенностей, связанных с условиями конкретной ситуации, принадлежащий к определенной этнической, национальной, культурной реферативной группе, придерживающийся какой-то системы ценностей, норм, идеалов, моральных и стилевых принципов. Об ограниченной рациональности в экономической науке пишет профессор института Санта Фе (США) Б.Артур. Он также критически анализирует недостатки метода рациональной дедукции в экономической науке, предполагает, что данный тип рациональности чрезвычайно полезен для решения теоретических задач, но он предъявляет слишком большие требования к человеческому поведению. “Мы снова сталкиваемся с вопросом о рациональности экономического субъекта”[12, с.8]. – подчеркивает он. Б.Артур ставит вопрос об ограниченной возможности экономических агентов по переработке информации, о трудностях идентификации ситуации, подборе шаблона вида действия способом, соответствующим шаблону. В этой связи он рассматривает ситуацию, связанную с посещением ночного бара и создания модели ожидания потенциальных посетителей. Пусть N людей, пишет он, еженедельно решают независимо друг от друга, идти ли им в определенную ночь в бар, предлагающий развлекательные программы, мероприятия, или нет. Для упрощения предположим, что $N = 100$. Помещение бара ограничено и вечер будет приятным, если в этом баре не будет столпотворения, конкретнее, – если там будет находиться меньше 60% из возможных 100%. Нет способа заранее определить, сколько людей наверняка придет. Поэтому лицо или агент, который идет в бар, считает, что стоит пойти, – если ожидает появление в баре меньше 60 человек, или остается дома, если ожидает появления в баре больше 60 человек. На выбор не влияют предыдущие визиты, нет сговора или предшествующего общения агентов между собой, и

единственная доступная информация, количество людей, которые пришли на прошлых неделях. В данном случае невозможно создать четкую модель, которую все агенты могли бы использовать для прогнозирования посещаемости и для обоснования своих решений и, таким образом, дедуктивная модель или решение невозможны. Не зная, какую модель ожидания выбрали другие агенты, данный агент не может сделать свой выбор четко определенным образом. Дедуктивно-рациональное решение не существует, так как нет правильной модели ожиданий. Дело в том, что если все предполагают, что несколько человек пойдут в бар, то все туда пойдут; аналогично, если все полагают, что в бар пойдет большинство народа, то никто туда не пойдет [12, с.12-14]. В результате проведенного анализа Б.Артур приходит к выводу о невозможности создания дедуктивной модели посещаемости бара и отсутствия рационального решения этого вопроса. Следовательно, выход, по его мнению, состоит в создании динамических или индуктивных моделей на основе экспериментальной экономической науки [12, с.12-14]. Таким образом, указанные примеры и замечания позволяют увеличить контакты между учёными для осуществления междисциплинарного подхода к изучению экономических объектов. Такой процесс уже разворачивается в экономической науке, идёт осмысление алгоритма трансформации экономического знания в начале нового тысячелетия, создаются новые подходы. Среди дискуссионных проблем экономической науки оказались такие ключевые вопросы, как создание новой методологии, понятий и принципов исследования стоимости, экономических законов, различные стили, теоретический плюрализм, деньги и их интерпретация, картина экономического постмодерна и др. Они не получили однозначной оценки и интерпретации, хотя эти проблемы рассматривали известные ученые: Дж. Гэлбрейт, З. Бжезинский, А. Кастальси, Дж. Нейбит, А. Турен, Л. Туроц, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Н. Хомски. Среди экономистов растёт скептицизм в отношении традиционных способов объяснения экономических процессов и явлений.

Можно предположить, что от самих людей, их свободы и целей зависит их согласие с правилами, нормами, законами или возникновение желания нарушать последнее. В домашнем хозяйстве также происходит изменение ролей, отношений и способов поведения на альтернативной основе. Растущие или падающие доходы семьи могут изменять экономические отношения, изменять формы хозяйственного поведения ее членов.

Подчеркивая возможность широких альтернатив в рамках институциональной формализации действий людей, не следует слишком преувеличивать вероятность свободного целеполагания и волеизъявления отдельных субъектов. Нельзя забывать о зависимости экономических институтов от природно-географических условий деятельности людей. Это несколько не подрывает убеждения в универсальности институциональной теории, всеобщности и необходимости принятых правил, приемов, норм и принципов общественной организации жизни людей. Россия, например, не только самая большая,

но и самая холодная страна в мире. Две трети ее территории (11,57 млн. кв. км.) составляют северные территории, а общая площадь подземного оледенения охватывает более половины территории страны (10 млн. кв. км.). Суровый климат сильно затрудняет развитие сельского хозяйства, любого другого хозяйства вообще. Следовательно, товары, произведенные на неэффективных пространствах, в 2-3 раза дороже среднемировых цен, в то время как потребность в них у населения выше. Несмотря на то, что в РФ есть и эффективные территории, для выживания населения требуется больше труда и средств. В РФ проживает 90% всего населения планеты, живущего в высоких широтах или на неэффективных территориях. Почвенно-климатический потенциал России в 2,5 раза ниже, чем в США, в 2,2 ниже, чем во Франции, в 1,7 – чем в ФРГ, в 1,5 ниже, чем в Англии. Отсюда следует природно-географическая обусловленность экономической деятельности в целом и рыночной предпринимательской инициативы, в частности [13, с.199-200, 212]. В экономической истории существуют периоды, когда люди создают социальные институты и есть регионы и периоды, когда природа “создает” институты, а институты создают людей. Известный экономист Д. Норт писал, отвечая на вопрос о возвышении Англии и упадке Испании в Новое время после длительного состояния примерно равновесия в XVI – XVII вв., что причиной роста экономики Англии и стагнации экономики Испании были не ресурсы. Испания получала их из американских колоний больше, чем Англия. Расхождение в экономическом могуществе этих стран зависело от характера взаимодействия королевской власти и экономически активного дворянства. В Англии было невозможно изъятие доходов, существовала парламентская защита и как следствие дворянство делало выгодное вложение капиталов, создавая экономический рост. В Испании кортесы не могли ограничить власть короля, поэтому существовал институт экспроприации имущества у экономически активных субъектов. Помимо этого, получаемые из колонии ресурсы использовались испанцами для потребления, а не для накопления. К этому следует добавить лишь то, что институциональные различия Англии и Испании были обусловлены историко-политическими причинами формирования хозяйственных правил, неформальными институтами, традициями, психологическими особенностями.

В наше время, в странах с так называемой переходной экономикой, не всегда удается отстоять и защитить права собственности в целом и на интеллектуальные объекты, в частности “Что может быть интереснее экономики переходного периода? Только “переходное” состояние экономической науки...” [14, с.121], – говорит О.Ю. Мамедов. Попыткой преодолеть сложившуюся ситуацию в науке можно считать построение новой экономической онтологии, гносеологии и логики в интерпретациях и оценках философской теории хозяйства. Предлагаются заменить экономическую теорию философией хозяйства. Экономическая теория рассматриваемая как форма идеологии, конструирующая определен-

ную картину мира, имеющую нормативный характер для человека, по мнению некоторых ученых, уже не в состоянии выполнить свои задачи. Хозяйство объявляется более фундаментальным понятием, чем экономика. Хозяйство, по мнению А.Л.Андреева, обладает «самостоятельным онтологическим и широким социальным смыслом, тогда как экономикой надо понимать лишь как одну из исторических форм хозяйствования» [15, с. 110]. Теория хозяйства конструируется с максимальным учетом идеальной компоненты в структуре экономической реальности; она преодолевает узкий экономизм, расширяет горизонты представлений о хозяйственной деятельности. «Философия хозяйства – это не философия и не экономика, не их смесь и не промежуточное связывающее звено, – подчеркивает Ю.М.Осипов, – мало того, это и не философия в экономике – тут все иначе: философия хозяйства – вытянутое из самой реальности, в которой также и человек, и его сознание, и его мысли, а не одни лишь окружающие человека вещи, метанаучное знание – размышление, не отделимое ни от мира, ни от всей доступной человеку идеальности [16, с.6].

Современная эпоха принципиально отличается от политических и экономических отношений, общественного устройства, социальных институтов, принципов, норм и образом человека прошлого. «К XXI в. история, – отмечает Ю. М. Осипов, – подошла уже с ощущением своего собственного конца, т.е. некоторой объективности, заданности, вязкости. История вырвалась из истории: теперь стало возможным творить все вокруг без всякой оглядки на объективность, природность, сакральность, даже на прошлое, которое потеряло свое ограничительное и воспитательное значение. Философия хозяйства наряду с институциональной теорией являются наиболее перспективными концепциями изучения поведения экономических субъектов. Очень важной особенностью этой философско-экономической дисциплины есть то, что она лишена всякого спекулятивного момента, схематичности, некорректной дедуктивной рациональности, абстрактности; по сути дела она учитывает все особенности своего объекта – хозяйства. «Философия хозяйства есть не столько философия на предмет, сколько философия из предмета, ибо хозяйство – это действующее, производящее, говорящее о себе...» [17, с.9]. Небывалая виртуализация общества и финансов, информатизация всех сфер жизнедеятельности, потребовала осмысления этих явлений преодоления ограниченности экономического исследования хозяйственных процессов. Новая теоретическая концепция как рефлексия не только над хозяйством, но и над существующим экономическим знанием позволяет критически переосмыслить принципы и понятийный аппарат экономической теории и общественнознания в целом. Важно иметь в виду, – отмечает Ю.М.Осипов, – что философия хозяйства возникает и развивается в особые исторические сроки, когда философия уже пережила свой апогей, надежно превратившись в кладезь собственной мудрости – в историю самой себя, а наука находится в состоянии триумфальной эйфории, за

которой уже маячит и неожиданное пока отрезвление... [16, с.6]. Философия хозяйства является эффективным инструментом в борьбе с догматизацией и мифологизацией экономической науки уже потому, что в отличие от экономической теории, которая остается дедуктивной и не всегда опирается на реальный сектор экономики, она учитывает реальную хозяйственную деятельность. Здесь уже не остается места таким догмам и спекуляциям как утверждения о неэффективности рыночной экономики сегодня, гипертрофии принципа плюрализма в науке и обществе. Экономика рассматривает те же явления, которые изучаются как естественными, так и общественными науками, это альтернативный подход к исследованию различных общественных явлений.

Выводы

Институционализм исходит из того, что экономика является открытой, эволюционирующей системой, которая тесно взаимосвязана с социальной политической и духовной сферами.

Сущность институционального подхода заключается в том, что, не ограничиваясь исследованием экономических процессов и экономических категорий в «чистом виде», осуществляется анализ социальных институтов, с учетом институциональной и культурной среды в которой находится человек.

Список литературы

1. Румянцева Е.Е Новая экономическая энциклопедия. – М.:ИНФРА-М, 2006.-810с.
2. Новая философская энциклопедия. В 4-х т.- М.: Мысль, 2001.-Т.2.- 634, с.
3. Новейший философский словарь.- Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998.-896 с.
4. Введение в институциональную экономику // Под ред. Д.С. Львова.- М.: Экономика, 2005.- 640 с.
5. Бачинин В.А. Философия: энциклопедический словарь,- Спб.: Изд. В.А. Михайлова, 2005.-288с.
6. Ходжсон Дж.М. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории// Тега есопотісис: сб. статей российских и зарубежных экономистов начала XXI века. -М.: Наука-Спектр, 2008-С. 21-30.
7. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория.- М.: ИНФРА-М, - 2006. - 416 с.
8. Гиренок Ф.И. Почему закатилась звезда социальных наук? // Философия хозяйства.- 2008.- №3.- С.127-146.
9. Гиренок Ф.И. Фиговые листки социальной эпистемологии // Философия хозяйства.- 2009.- №2.- С.246-253.
10. Белолипецкий В.Г. Классическая экономическая теория под завесой демагогии // Философия хозяйства.- 2008.- №5.- С. 131-160.
11. Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики. – 2006.-№2.- С. 75-98.
12. Артур Б. Индуктивное мышление и органическая рациональность // Тега есопотісис: сб. статей, российских и зарубежных экономистов начала XXI века,- М.: Наука-спектр, 2008.- С. 8-14.
13. Афанасенко И.Д.Философия предпринимательства // Философия хозяйства.- 2004.-№4.-С. 114-212.
14. Мамедов О.Ю. Экономическая теория: нестранное знакомство с методологией.- Ростов н/Д.: Феникс, 2006.- 243с.
15. Андреев А.Д. От экономической идеологии к философии хозяйства // Философия хозяйства.-2009.-№1.- С.107-121.
16. Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства. – М.: Макс-Пресс, 2003.-88с.
17. Осипов Ю.М. Философия хозяйства.-2005.-№4.-С. 8-14.

ІНСТИТУЦІОНАЛЬНИЙ ПІДХІД ДО ДОСЛІДЖЕННЯ СОЦІАЛЬНИХ ЯВИЩ

У статті розкривається специфіка функціонування соціальних і економічних інститутів. Основна увага приділяється засобам і механізмам реалізації інституціональних норм, які регулюють відповідні типи і стандарти поведінки.

S. Sinyakov, E. Slastenکو

INSTITUTIONAL APPROACH TO RESEARCH OF SOCIAL PHENOMENA

The specific character of social and economic institutory functioning is exposed in the article. The particular attention is given to means and mechanisms of the realization of institutional norms which regulate consequent types and standards of behavior, fixed by legal and other social norms.